

{373}риод⁶⁶. Большое сходство ранних и поздневизантийских текстов показывает, что эта наука была, вероятно, достаточно статична⁶⁷.

Развитие химических знаний в Византии шло в двух направлениях: с одной стороны, это алхимические доктрины, связанные с общей герметической картиной мира, с другой — технические традиции ремесленного искусства, которыми всегда славилась империя (практика работы с металлом, стеклом, ювелирное искусство, живопись). Однако оба эти направления развивались изолированно. Знания и опыт, накопленные ремеслом, никогда не были предметом внимания ученых. Этому в значительной мере способствовало и предубеждение к ремесленному труду, будто бы недостойному образованного человека, по мнению подавляющего большинства ученых, принадлежавших к правящему классу⁶⁸.

Наука в Византии была рафинирована. Она развивалась изолированно от жизненной практики и опыта. Лаборатории алхимиков никогда не представляли интереса для византийских ученых, которые ограничивали себя редакцией теоретических трактатов о превращении элементов. Это обстоятельство и послужило причиной, что столь высокая цивилизация, как византийская, не смогла создать опытного и экспериментального методов, которые произвели переворот в науке и которые были созданы в Западной Европе. Роль алхимии была здесь особенно велика. Именно в лабораториях алхимиков следует искать начало методического применения экспериментального опыта — основы науки нового времени. Не случайно крупнейшие западноевропейские ученые (Альберт Великий, Роджер Бэкон, Парацельс и др.) занимались алхимией. Их труды предшествовали физическим опытам Галилея и Ньютона⁶⁹.

И все-таки, несмотря на то что поздневизантийская наука во многих своих чертах еще не достаточно исследована, мы можем выделить те характерные приметы времени, которые позволяют поставить ее в общий гуманистический контекст культуры палеологовского периода. Уже обратившись к рукописям того времени, можно констатировать не только наличие их необычно большого числа (это обстоятельство было связано также и с широким распространением бумаги в этот период), но и то, что рукописи сочинений одних античных авторов — это древнейшие сохранившиеся кодексы, рукописи трудов других — лучшие версии текстов, и это не случайность⁷⁰.

Античная культура, эндемичная для Византии, переживала процесс усиленного изучения. Это было время интенсификации контактов с культурой античности, контактов, скорее не прерывавшихся полностью, чем вновь открытых⁷¹. В науке палеологовского времени языческое и христианское образуют известный симбиоз, названный Хунгером «христианским гуманизмом греческого толка»⁷². При этом речь шла уже не о простой {374} рецепции духовного богатства античности, как это было обычно для средневековья до XII в., но о духовной дискуссии с нею. Попытка переосмысления достижений античной культуры и превращение их в фактор мировоззрения являются идейной основой византийского гуманизма⁷³.

Неудивительно и то обстоятельство, что ни один из выдающихся поздневизантийских ученых не принадлежал к партии паламитов. Печальный конец Никифора Григоры свидетельствует о том, сколь велика была ненависть исихастов к представителям гуманистической культуры.

Весьма примечательны для этого времени все расширявшиеся контакты с культурными ценностями других народов, засвидетельствованные появлением большого количества переводов, прочно вошедших в поздневизантийскую науку. Нельзя сказать, что это явление было совершенно новым для Византии — еще в XII в., к примеру, перевод астрономического трактата Абу Ма'шара был очень популярен и лег в основу поэмы Иоанна Каматира⁷⁴; известны пере-

⁶⁶ Многие из них опубликованы в указанном в предыдущем примечании издании М. Бертело.

⁶⁷ Taylor F. Survey of Greek Alchemy // JHS. 1930. Vol. 50. P. 111.

⁶⁸ Stephanides M. Les savants byzantins et la science moderne. Renaissance et Byzance // Archeion. 1932. Vol. XIV, N 1. P. 495.

⁶⁹ Ibid. P. 494.

⁷⁰ Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst... S. 124—125.

⁷¹ Ševčenko I. Théodor Metochites, Chora et les courants intellectuel de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 15.

⁷² Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst... S. 136.

⁷³ Медведев И. П. Указ. соч. С. 160.

⁷⁴ Шангин М. А. Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по академической рукописи